

Геннадий Логинов

CITO, LONGE, TARDE!

Повесть о временах и нравах,
териаке и алхимиках, чуме
и Нострадамусе



Геннадий Логинов

**Cito, longe, tarde! Повесть
о временах и нравах, териаке
и алхимиках, чуме и Нострадамусе**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Cito, longe, tarde! Повесть о временах и нравах, териаке и алхимиках, чуме и Нострадамусе / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836926-1

Конечно, можно было бы сказать, что это — история про Нострадамуса. Не про зрелого Нострадамуса-предсказателя, а про молодого Нострадамуса-врача, который мог бы не совершить за всю свою жизнь ни единого прогноза, и всё равно войти в историю как великий врачеватель, спасавший от чумы Экс-ан Прованс. Конечно, можно было бы сказать, что это — история про мор и чуму. Но гораздо важнее то, что это — история о людях, их добродетелях и пороках, наиболее ярко проявляющихся в кризисные моменты истории.

ISBN 978-5-44-836926-1

© Логинов Г.
© Издательские решения

Cito, longe, tarde!

Повесть о временах и нравах, териаке и алхимиках, чуме и Нострадамусе

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2019

ISBN 978-5-4483-6926-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Bene dignoscitur, bene curatur»² – некогда было сказано человеком, явно не слышавшим о великой чуме, печально прославившейся в исторических хрониках более поздних веков под именем Чёрной Смерти³.

Не узнать её безобразный гнойный лик, не ощутить тлетворного смрада её дыхания было решительно невозможно, но вместе с тем врачевателям было не под силу не только исцелить страждущих, но хотя бы облегчить страдания умирающих.

Во всяком случае, – подавляющему большинству из них.

Денно и ночью обречённые каторжники проклинали свою нелёгкую жизнь, выступая невольными помощниками чумных докторов в их рискованной и, казалось бы, безнадёжной борьбе с эпидемией: облачившись в пропитанные дёгтем кожаные одежды, они разъезжали по опустевшим зловонным улицам проклятых городов, собирали отдающие болезнетворным запахом тела и, ловко поддевая их особыми крючьями, небрежно складывали в перегруженные труповозки.

Впрочем, далеко не все преступники были столь сдержанны: для многих из них общее горе Европы обернулось пусть мимолётной и трагической, но всё-таки свободой, с которой они не желали расставаться, пируя от души на чужих костях.

Дорвавшиеся до грязных работ разбойники вскоре начинали отводить свои чёрные души, грабя и поджигая разорённые дома, заодно вырезая всех, кто встречался им на пути, не делая различий между здоровыми и больными, мужчинами и женщинами, стариками и детьми; насиловать не только живых, но и мёртвых; жестоко глумиться над трупами; вскрывать животы беременным; промышлять людоедством; осквернять святыни; потрошить и протаскивать окровавленные тела по улицам гибнущих городов, а уходя – сбрасывать их в колодцы, умышленно распространяя заразу.

Во многих местах городские власти, врачи и представители духовенства просто бежали, бросив людей на произвол судьбы, вследствие чего в народе возрастали паника и гнев к трусливым предателям, а на смену силе закона приходил закон силы.

Земля более не могла вместить в себя погибших, и даже монастырские мощехранилища были переполнены. Казалось, само небо уже прокопилось от чёрного дыма непрерывно пылавших костров.

Смолкли певчие птицы, лишь жадное воронье кружило над осиротевшими домами: ни один человек, будь то безродный нищий, зажиточный горожанин или куртуазный вельможа, не мог оставаться спокоен за свою жизнь.

Короли и смерды, дворяне и епископы в эти годы уподобились колосьям, скошенным без разбору косою чумы.

Страшная напасть пришла на генуэзских кораблях, принеся с собой немало страданий и горя, но, как известно, беды не ходили в одиночку: постоянные неурожаи, повальные голод и нищета, проказа и оспа, непрерывные войны, череда народных восстаний, небывалый разгул преступности, падёж скота, массовые самоубийства, хаос и мародёрство терзали и без того израненную плоть агонизирующего мира.

Но даже в этом кромешном аду людям оставались свойственны всё те же пороки их несовершенной природы: полагая, что жизнь их продлится недолго, они пускались во все тяжкие, отчего беспробудное пьянство, безудержный разврат и сведение старых счетов царили во многих домах, порог которых ещё не переступила страшная гостья.

Церковь страшила грешников и карала отступников, призывая всех и каждого как можно скорее покаяться до наступления Судного Дня, узрев в происходящих бедствиях начало исполнения апокалипсических пророчеств: воистину четыре всадника – Голод, Война, Чума и Смерть – дружно мчали галопом, оставляя за собой лишь мрачные безжизненные города.

В то же самое время успехи официальной науки на поприще борьбы со страшным недугом были более чем неутешительны. Подобно сорной траве, произрастали всё новые суеверия, поражая не только умы неграмотных крестьян, но также учёных мужей и святых отцов.

Ходили страшные слухи о кометах, предвещавших бедствие; о людях с пёсыми головами, сопровождавших Деву Чуму во время её странствий по гибнущим землям; о том, что самый верный способ избежать болезни – это встать посередине дороги, отрезать голову чёрному петуху на рассвете, измазать лицо его кровью и протяжно закукарекать.

Дома окуривались травами, предназначенными заглушить чумный смрад; на полу расставляли блюда с молоком; окна завешивали вощеными полотнами; на стенах писали строки из Священного Писания или слово «абракадабра»; приносили в жертву собак, кошек и кур, но всё было тщетно: чума не щадила ни христианина, ни мавра, ни иудея, ни язычника.

Толпы белоясыков—флагеллантов проходили от города к городу вереницей ужасных процессий: истязая тела свои в кровь, они надеялись претерпеть праведные муки, тем самым искупив грехи всего человечества и остановив чуму; однако вместо этого бичевавшиеся фанатики лишь подливали масло в огонь, способствуя её распространению. Местами их принимали с радостными возгласами, присоединяясь к шествию; местами – побивали камнями и палками, осыпая проклятиями за ересь.

В эти дни многие люди заделались открытыми люцеферианами, рассудив, что Господь не может или не желает положить конец их страданиям. А некоторые пошли дальше, заявив, что на Небесах ещё в незапамятные времена произошло восстание, в результате которого «истинный творец» был свергнут и обманутые люди веками поклонялись не тому, кому следовало бы.

Впрочем, и в эти дни у инквизиторов хватало работы в избытке, поэтому о богохульниках и святотатцах никто не забывал, а Церковь обогащалась от сложенных у закрытых ворот подношений, не успевая ни заниматься всеми доносами, ни отпевать всех умерших: освящая реки, туда просто ссыпали разлагающиеся тела.

Мир сходил с ума. Одни несчастные обречённо кутались в саван, смиренно ложились в постель и безропотно дожидались уготованной Небесами участи, хороня себя ещё при жизни. Другие же предавались кровожадному безумию, озабоченные судорожным поиском виноватых.

Ведьмы, еретики, евреи, прокажённые, иностранцы и мавры – все те, кто отличался от большинства одеждой, внешностью или речью, кого народная молва могла с лёгкой руки уличить в отравлении колодцев, совершении всех смертных грехов, навлекших гнев Господень, а то и в прямом сговоре с Сатаной, – зачастую карались без суда и следствия.

Евреи, пусть даже и крещёные, изначально державшиеся в большинстве городов особняком от прочих жителей, вырывали собственные колодцы и уделяли немалое внимание телес-

ной чистоте, тем самым нарушая один из заветов Святого Бенедикта Нурсийского, гласивший: «Здоровым и в особенности молодым по возрасту следует мыться как можно реже». Ибо тело, являвшее собой, в представлении святых отцов, рассадник греха и порока, было недостойно чрезмерной чистоплотности, способной привести к нарциссизму и похоти. Посему мыться в полгода раз – было ещё допустимо, но совершать регулярные омовения был способен лишь конченный еретик или скрытый иудей, что, в сущности, было одно и то же.

Естественно, евреям не поздоровилось; а многие иудеи, спасая себя от жуткой расправы, дочерей от поругания, малых детей от насильственного крещения и непосильно нажитое имущество от разграбления, запирали свои дома при виде разъярённой толпы, предпочитая сжечь себя заживо.

Напрасно Папа и его авиньонские кардиналы зывали к обезумевшей толпе, стараясь обуздать волну самовольных расправ: большинство епископов и светских властителей продолжало смотреть на творящиеся бесчинства сквозь пальцы, предпочитая не вмешиваться, покуда пламя народного гнева не перекинулось на них самих.

Прокажённым, которых обвинили в стоворе «с жидами и царём сарацинским, отравлении колодцев и занятиях чёрной магией с целью изведения христиан», повезло не больше, чем прочим жертвам самосуда: лепрозории громили, а больных проказой бросали в одни рвы с покойниками, хороня заживо.

Впрочем, некоторыми народными мстителями двигал и банальный расчёт: объявив богатого человека больным и безумным, его могли силой отволочь в лазарет (чему многие предпочли бы смерть), а имущество – растащить.

Многие бросали всё и вся и просто бежали в тщетной попытке выжить, охватившей всех и каждого, хотя, безусловно, находились и доктора, в поте лица сражавшиеся с распространением заразы, и священники, устраивавшие крёстные ходы и исповедовавшие умирающих. И те и другие, как правило, разделяли участь несчастных, с которыми имели дело.

Но чем были заняты те, кто по долгу службы, жажде славы и наживы или искреннему зову сердца был призван предотвратить безумие?

Как правило, всё рвение их сводилось к тезису: «*Quae medicamenta non sanat, ferrum sanat. Quae ferrum non sanat, ignis sanat. Quae vero ignis non sanat, insanabilia reputari oportet*». ⁴

На дворе стоял 1546 год от Рождества Христова.

К трём легендарным бедам Прованса, парламенту, мистралю и Дюрансу, прибавилась и четвёртая, несоизмеримо превосходившая прочие: чума, начавшая своё победоносное шествие по европейским городам ещё в середине XIV века, теперь уже добралась и до этих мест.

Почти все, кто только мог бежать, давно бежали, и чуждому лицемерия человеку было бы сложно кого—либо в этом упрекнуть, оказавшись на страшных улицах зачумлённого города.

Просто такова уж естественная особенность человеческой природы: все люди хотят жить.

Лишь немногие, на редкость отважные, принципиальные, порядочные и даже, можно сказать, чуточку ненормальные чиновники, городские стражи, лекари и священнослужители составляли компанию поражённым чумой горожанам и их уцелевшим сородичам, пожелавшим помочь (тем, что ещё было в их силах) и разделить судьбу своих родных и друзей, более не лелея последние крохи надежды. С каждым днём армия поражённых болезнью пополнялась всё новыми рекрутами, в то время как выживших оставалось всё меньше и меньше.

Экс—ан—Прованс, некогда цветущий и радостный, как сама жизнь, опустел, вымер, и на его высоких острозубых башнях пугающе развевались чёрные знамёна, красноречиво предостерегавшие каждого заблудшего путника от посещения этого проклятого места.

Даже блуждающий ветер был не в силах разогнать тлетворный смрад, безраздельно воцарившийся на обезлюдивших улицах. Ныне пустующие дома, предусмотрительно помеченные крестами, являлись жилищами заражённых. Запустевшие поля поросли сорной травой, чахлые

виноградники увядали, а жирные мухи, облюбовавшие останки павших людей и животных, справляли свой шумный пир.

В этих унылых местах не осталось ничего, кроме гибели, страданий и боли, и даже самым отчаянным ворами и головорезам было попусту нечем здесь поживиться: всё, что только можно было унести, уже растащили до них стервятники посмелее и пошустрее...

... Тем не менее, в этот день на улицах Экса царило, можно так сказать, редкое для здешних мест оживление: по дороге, ведущей в направлении к Собору Святого Спасителя, в тени высоких опустевших домов, неспешным, но уверенным шагом продвигалась мрачная фигура человека в защитной одежде из вошеной кожи и защитной маске, придававшей ему схожесть с диковинной птицей⁵.

Одной рукой путник придерживал сумку с врачебными принадлежностями, другой же опирался на массивную трость, выполнявшую, помимо своей непосредственной функции, роль рабочего инструмента, необходимого при поиске выживших в зачумлённых домах – во избежание непосредственного контакта с телами погибших.

Но, в случае крайней необходимости, трость могла и становиться оружием против особо буйных и окончательно тронувшихся умом пациентов.

Моноotonно пережёвывая чеснок, мужчина вдыхал букет из ароматов трав, духов и ладана, обосновавшихся в «клюве» своей пугающей маски, но даже подобная гремучая смесь не могла всецело пересилить болезнетворные миазмы, витавшие в утреннем воздухе.

Впрочем, не они в этот момент занимали разум странствующего врача. Смерть, ужас запустения и смрад за последние годы сделали для молодого доктора настолько естественными, что он просто не воспринимал своей жизни без них. Пламя душевной боли, съедавшей его все последние годы, со временем поутихло, но в холодной пустоте продолжали мерцать тлеющие угли.

Верный муж, переживший собственную жену. Любящий отец, переживший своих ненаглядных детей. Перед его глазами по-прежнему стояли иссиня—чёрные бубоны, моровые язвы, покрывшие их поражённые чумой крошечные тела, непрерывная лихорадка, детские слёзы, душераздирающие крики и стоны. Мишелю не раз приходилось видеть, как посторонние люди болели и погибали от этого проклятого недуга, но тогда, раньше, чья—то чужая боль воспринималась им совершенно иначе...

Репутация практикующего врача чумы, не сумевшего уберечь от страшной напасти даже свою собственную семью, была подорвана на корню. Жюль Сезар Скалигер, верный друг и наставник Мишеля, человек несравненных достоинств, гений, подобный Плутарху, и тот отвернулся от бывшего ученика, заклеив его своими едкими эпиграммами, в которых совершенно недвусмысленно намекал на тайную приверженность иудаизму.

Однако Мишель не держал на него зла, как, впрочем, и ни на кого другого. Жизнь потеряла всякий смысл, и теперь молодой доктор просто скитался по свету, стараясь если не разыскать средство от чумы, то, как минимум, приложить все силы к своевременному спасению тех, кто ещё не был ею поражён.

Профессия врача представляла собой один из тех немногих путей, которые в ту пору мог избрать для себя крещёный еврей – наравне с торговлей, работой нотариуса или писаря. Предки Мишеля как по отцовской, так и по материнской линии особенно отличились на поприще медицины и, согласно семейному преданию, даже удостоились чести служить при дворах Рене Доброго (короля—трубадура и владыки Прованса) и герцога Калабрийского, поэтому его выбор не вызывал удивлений.

Однако же в случае Мишеля это не было простым совпадением. Это было его призванием. Будущий непримиримый борец с чумой появился на свет в небольшом городке Сен—Реми—де—Прованс, в семействе крещёных евреев, где за его обучение с ранних лет взялся

прадедушка Жан, под бдительным взором которого юноша изучал латынь, древнегреческий, иврит, арабский, естественные науки, алхимию, математику и астрономию.

С малых лет Мишель изучал труды Галена и Гиппократы, Аль—Хорезми⁶ и Ги де Шолика⁷, Авиценны и Аристотеля, а также писания святых отцов, каббалу, Ветхий и Новый Заветы, работы Фомы Аквинского, Пьера Абеляра и многие другие сочинения и трактаты, намного опережавшие не только уровень понимания его сверстников, но и многих современников.

Тем не менее, ребёнок, пусть даже и мудрый не по годам, по-прежнему оставался ребёнком, поэтому особый интерес в юном читателе всё-таки вызывали не монументальные трактаты и сложные формулы, а «Золотая легенда»⁸, за освоением которой он отдыхал от утомительных трудов, и запрещённые работы скандально известного францисканского монаха Роджера Бэкона⁹, в которых тот описывал железнокрылых птиц, бороздящих небесные просторы, металлических рыб, в которых люди будут осваивать морские глубины, самоходные повозки и планетные эпохи, когда люди сумеют побывать на Луне и за её пределами...

...Несмотря на всю неортодоксальность взглядов опального изобретателя, юный Мишель де Нострадам знал, что францисканец не ошибался. Если не во всём, то – во многом. В своих тревожных снах, в ярких видениях, стихийно нападающих на него в любое неподходящее время дня и ночи, он видел воплощение мыслей философа, как, впрочем, и многое другое. В своих снах о грядущем – он видел смерть королей и падение империй, возвеличение слабых и падение сильных. Иногда – это были лишь зыбкие неясные образы, иногда – он слышал точные даты, имена и названия, но порой картина была очень яркой и надолго овладевала его разумом. Поначалу Мишелю казалось, что он сходит с ума, но, тем не менее, набравшись смелости, юноша поделился своими опасениями с близкими, и те отнеслись с пониманием. Ещё при рождении будущего врача прадед составил гороскоп, определив по звёздам, что его юному потомку уготовано особое предназначение.

Получив домашнее образование, о котором многие в его возрасте не могли и мечтать, Мишель поступил в авиньонскую школу. Занятия по геометрии, арифметике, астрономии, логике, музыке и риторике были ему скучны, ведь юный Нострадам уже давно превзошёл всё то, что поседевшие над книгами старцы могли ему дать. Более того, во многих вопросах он мог бы легко и поспорить с погрязшими в суевериях преподавателями, не видевшими дальше собственного носа, но понимал, что выделяться из окружения и выказывать странности было бы не очень благоразумно: еврею, пусть даже и крещёному, нужно было держаться вдвойне осторожно, если только он не собирался погубить себя сам, да ещё и принести неприятности своей семье...

Но завершить обучение в Авиньоне было не суждено: уже через год с момента поступления, когда Мишелю исполнилось пятнадцать лет, в городе вспыхнула эпидемия. Большинство его знакомых побросали учёбу, спасаясь бегством, но для юного Нострадама это было лишь началом его крестового похода против чумы. Видя тела преподавателей и школяров, смрадный ветер, разносящий запах смерти по кишасиными крысами улицам¹⁰, он принял твёрдое решение стать врачом и посвятить жизнь борьбе со всей этой мерзостью.

С целью узнать причины и источники недуга, которые подсказали бы ему способ исцеления, юный энтузиаст в гордом одиночестве отправился в крайне рискованное странствие по поражённым чумою городам. Восемь лет скитался он, изучая происхождение растений и иных простейших веществ, способных послужить подспорьем в достижении вершин медицинской науки. На тот момент медицина, как таковая, не почиталась за родственницу «высоких наук» и отношение к профессии врача было неоднозначным. Единицы из лекарей направляли свои стопы в поражённые чумой города. В основном, это были люди довольно низкой квалификации: либо совсем молодые врачи, желавшие коротким путём сделать себе имя, вместе с тем заработав немалые деньги за риск; либо те, кто уже утратили своё доброе имя врача

и, не имея возможности продолжать свою обычную медицинскую практику, собирались себя реабилитировать.

Методы лечения отличались большой изобретательностью: больным вырезали бубоны либо прижигали их калёным железом; в открытую рану наливали горячее масло; втирали в гноившуюся кожу шкурку ящериц, солону, сажу и мази на основе ладана; травили пациентов ртутью и мышьяком; заставляли спать половину ночи на левом боку, а половину – на правом; сажали на лоб лягушку «для восстановления естественного баланса соков в организме»; пускали кровь; сажали на тело пиявки...

Но всё было тщетно: больные продолжали умирать, как и прежде, – если не от чумы, то от «помощи» врачей.

Больных людей не изолировали от здоровых: на кровать, где недавно скончался один пациент, могли положить другого – если ещё не смертельно больного, то вскоре, без сомнения, становившегося таковым.

В то же время своей безопасности врачи уделяли несколько большее внимание: носили пропитанные чесноком защитные маски, регулярно употребляли сам чеснок в пищу, запивая его алкоголем для укрепления защитных сил организма. Один раз подобное «укрепление здоровья» закончилось выговором и краткосрочным арестом «укреплявшихся» врачей за учинённый ими впоследствии пьяный дебош.

Ознакомившись поближе с будущими коллегами и их способами лечения, Мишель нашёл докторов невеждами, а методы – варварскими, однако же предложить что-то действенное он не мог. **Пока ещё** не мог. Впрочем, по крайней мере, он получил представление о том, как **не** следует лечить.

Уважаемый им Роджер Бэкон, обозначая три пути познания – рассуждения, веру в авторитет и опыт, отмечал, что только последний способен привести ум в порядок. Однако же наряду с разумом, опирающимся в суждениях на опыт, – опыт, чтобы не оставаться бесплодным, должен был проходить анализ разума, в то время как авторитет, не опирающийся в суждениях на доводы разума и не подтверждаемый опытом, мог утратить доверие. При этом Бэкон разделял и виды опыта: опыт жизненный, приобретаемый исключительно в процессе жизни; опыт—доказательство, полученный чувствами касательно внешних объектов сего мира; и третий, обособленный опыт, доступный не для всех, – опыт—озарение, мистический опыт, опыт—интуиция, которому отдавали особое предпочтение как сам философ, так и юный Нострадам.

Продолжая свой путь, Мишель не прекращал вести наблюдения и делать заметки. Так, оказавшись волею случая в зачумленном домитории¹¹ одного францисканского аббатства, стараясь оказывать посильную помощь гибнущим монахам, среди гремучей смеси чумного смрада и ладана, посреди отпеваний и стонов, он подводил черту, отмечая общность симптомов и признаков болезни, коими были резкая сильная головная боль и боль в сердце с последующей лихорадкой, порой сопровождающейся паническим страхом, бредовыми видениями и безумными криками; характерный тяжёлый чумной смрад, исходивший от тел заражённых; короткое прерывистое дыхание, сопровождающееся кашлем с кровохарканьем, порой доходившим до кровавой рвоты; возникновение чумных бубонов иссиня—чёрно—желтоватого цвета, в первую очередь – в областях подмышек и паха. Язык, кал и кровь поражённого чумой – также обретали характерный чёрный окрас. Жизнь заболевшего могла длиться по—разному: от нескольких часов до нескольких дней, но, в любом случае, была полна мук и непереносимых страданий...

Как бы то ни было, несмотря на немалые знания Мишеля, обрётённые им самостоятельным путём в обход традиционных медицинских воззрений, диплом был ему необходим: лицензированные врачи, отправлявшиеся на борьбу с чумой, имели определённые преимущества – широкий выбор средств и право проводить вскрытие зачумлённых тел без опасения преследования силами светских властей и Святой Инквизиции.

Единственным известным Мишелю местом, в котором обучающимся врачам позволялось проводить вскрытие тел, был университет Монпелье, куда он вскоре и поступил. Но, к сожалению, представления преподавателей о человеческой анатомии оказались, на его взгляд, устаревшими и полными предрассудков, вследствие чего молодой и талантливый, но несколько неосторожный студент едва не вылетел с треском с первых же дней своего обучения.

Тем не менее, наступив на горло собственной гордости, Нострадам уладил конфликт и продолжил обучение, стараясь, как и прежде, не выделяться среди прочих – хотя бы с внешней стороны. При этом он не забрасывал свои исследования в области запрещённой фармацевтики.

Видения по-прежнему продолжали мучать Мишеля, посещая его в самые неподходящие моменты, но, вместе с тем, с некоторых пор он пытался учиться их контролировать и вызывать по собственному желанию.

Тем не менее, впадать в транс на глазах у однокурсников и преподавателей было бы очень рискованно – о его странностях и эксцентричном поведении и без того уже ходило немало досужих сплетен. И, к сожалению, видения, показывавшие ему многое, до сих пор не могли либо не желали поведать ему главного – рецепта чудодейственного средства, способного противостоять великой чуме.

Ну пусть бы даже не рецепт: хотя бы намёк. Но – нет. По—видимому, Господу было угодно, чтобы с этой задачей Мишель справлялся своими собственными силами...

Получив диплом врача, Мишель начал подписываться на латинский манер – «Nostradamus», с переменной имени отмечая и перемены, произошедшие в его сознании. Он продолжил свои странствия, и на этот раз удача благоволила ему. В какой—то мере. Повстречав на своём пути Джулио Бордоне по прозвищу «делла Скала», Мишель впервые ощутил, что он не одинок в своих поисках. У него появился друг, наставник и товарищ в одном лице: человек, с которым он мог не только без опасений беседовать на любые интересующие его темы (от чего Нострадамус давно уже отвык), но и разговаривать, как минимум, на равных, находя в собеседнике отклик и понимание (от чего он отвык ещё раньше). Вдобавок же ко всему прочему, у этого собеседника действительно было чему поучиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.